

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЙ*

Определяются подходы к проблеме человека в обществе знаний, выявляется специфика в отношении смежных концептов – информационного общества, общества риска, когнитивного капитализма. На базе социологических и социально-философских теорий М. Кастельса и Н. Штерна делаются попытки установления четких критериев, позволяющих говорить об обществе знаний как о социокультурной парадигме, создающей новые и трансформирующие прежние типы личности, социальности и социального взаимодействия

Ключевые слова:

когнитивный капитализм, компетентностный подход, общество знаний, общество сетевых структур, проблема человека, трансдисциплинарность.

Соломин В.П., Султанов К.В., Воскресенский А.А. Антропологическое измерение социальной парадигмы общества знаний // Общество. Среда. Развитие. – 2017, № 1. – С. 56–59.

- © Соломин Валерий Павлович – доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный работник науки и техники, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: child2000@bk.ru
- © Султанов Константин Викторович – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: child2000@bk.ru
- © Воскресенский Алексей Александрович – кандидат философских наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: voscres@gmail.com

В последнее время обнаружили трудности, связанные с классификацией и четкими дефинициями в определении того типа общества, в котором мы находимся. Постиндустриальное, информационное, неоиндустриальное, общество знаний, общество риска, экономцентристское – при всей близости данных эпитетов и общей констатации того факта, что знание и информация являются агрегаторами не только технологического и экономического развития, но и моделируют социокультурную парадигму и саму рациональность человека [7, с. 30], без ответа остается основной вопрос: в обществе какого типа мы все-таки живем? Другой не менее важный вопрос: действительно ли наблюдаемые и фиксируемые исследователями трансформации технико-технологического характера, определяемые как «общество знаний», «креативная экономика», «технотронное общество», «когнитивный капитализм», «когнитивная революция» и др., создают новые типы социальности, являясь драйверами или посредниками в изменениях на уровне субъектности и субъективности человека. Действительно ли парадигма, основанная на культе знаний и информации, вплетается и трансформирует изнутри межличностные и социальные отношения?

Парадоксален в этом отношении факт, что несмотря на проводившиеся в XX сто-

летия огромное количество исследований, посвященных проблеме человека и социального взаимодействия, получение огромного количества эмпирического и теоретического материала, сегодня мы наблюдаем системный кризис описания человека в информационном обществе или обществе знаний. Это кризис, истоки которого находятся в изменении онтологического статуса человека в обществе знаний и технологий. В этом отношении Ж.Л. Нанси утверждает идею бессмысленности определения человека, оказавшегося в информационном пространстве, а сущностные характеристики, которые использовались ранее, исчерпали свои эвристические возможности, соответственно, сущности у человека нет. Вторит этому взгляду подход М. Фуко, утверждающий «смерть субъекта», «смерть автора» – человек утрачивает целостность, говорить о нем, как о самостоятельном субъекте социальных процессов невозможно. Как известно, XX век отошёл от попыток определения человека, пытающихся зафиксировать и понять его сущность, замещая их все менее рациональными и более экзистенциальными характеристиками, описанием уникальных состояний человека в различных полярных, пограничных условиях, выявляя до рациональные «точки сборки».

В частности, определение А. Смитом человека как homo economicus на сегод-

* Исследование поддержано грантом РГНФ 15-06-10698 «Антропология инновационной деятельности и технологии формирования человеческого капитала в современном российском образовании».

нышний день абсолютно невозможно. Причиной тому служит изменившиеся представления о рациональности, в частности, так называемая ограниченная рациональность. Данный тип имеет под собой реальные основания из индивидуальной жизни и опыта каждого человека именно потому, что в связи с изменениями и усложнением социальной жизни, производства и потребления, экономического выбора, колоссальным ростом единиц техники и ускорением обработки огромных объемов информации, произошло изменение самого общества, оно стало информационным, а затем и переходит в новую стадию своего развития – в общество знаний.

В этом смысле наряду с расширением и усложнением пространства информации, увеличением скорости ее обработки произошло изменение требований к человеку со стороны меняющегося социокультурного пространства. В этих условиях совершенно необходимыми оказываются новые личностные качества и принципиально новый подход к социализации в общество знаний.

Несмотря на многочисленные попытки концептуализации самого общества знаний, речь о которых шла в [6; 7], до сих пор не выработан комплексный подход к описанию механизмов, характера и цели проникновения знаний информации, а также формирования парадигмы социального развития, основанной на знаниях, во все сферы жизни современного человека. Именно поэтому, авторы попытались, отталкиваясь от работ Н. Штера [9], выявить ключевые характеристики, проявляющиеся в попытке говорить об обществе знаний как о парадигме социального развития, актуализирующей проблему человека в новых условиях своего существования, фиксируя при этом свое внимание на тех феноменах, которые выступают драйверами новых типов социальности и межличностных отношений:

- Сциентификация общества и рассуждений о человеке, т.е. максимальное проникновение образцов, алгоритмов и результатов научного знания во все значимые сферы бытия и деятельности человека (отсюда резко усилившая свои позиции в последние десятилетия литература *pop-fiction*, популярная наука).

- Сциентизм как главный мировоззренческий принцип и критерий того, чтобы знание могло называться знанием. Иными словами, научное знание становится синонимом знания вообще.

- Наука как непосредственная производительная сила.

- Появление нового сектора производства – производство знаний.

- Закрепление новых форм политического дискурса – образовательная политика, научная политика.

- Технократия в политике и создание новых форм политического и государственного контроля – открытое правительство, и т.д.

- Появление новой формы власти – экспертократии, и особого социального класса, являющегося главным производителем знаний – экспертов и экспертных сообществ. При этом речь идет совершенно не о том образе «интеллектуалов, носителей знания-власти», которые были описаны, например, М. Фуко.

- Появление новых типов социальной дифференциации, осуществляемой по критерию владения тем или иным типом знаний.

Данный подход можно дополнить представлениями теоретика общества знаний П. Вайнгарта, который выделяет следующие черты, описывающие некоторые аспекты антропологического измерения в новом типе общества:

- Ориентация на потребление знаний, то есть выраженная ориентация на практическое применение знаний и стремление к максимально прикладному характеру производимых знаний (отсюда такая популярность у многочисленных набравших силу и популярность обучающих семинаров, вебинаров, тренингов и т.д. – «образовательная услуга» трансформировалась в полноценный сектор бизнеса, где создаются мощные продукты и зарабатываются большие деньги).

- Усилившиеся позиции корпоративной науки – в том числе в области фундаментальных исследований, что опять-таки, связано с отмечавшимся у Штера феноменом «экспертнократии», не имеющей привязки к академическим научным центрам.

- Наука ориентируется не столько на познание фундаментальных законов бытия, сколько на области вероятного применения открываемых законов и принципов, что приводит к существованию усложнению и демаркации дисциплинарной, меж/мульти/пара/транс-дисциплинарной организации научного знания.

Таким образом, по сравнению с информационным обществом, знания в новой парадигме являются не просто результатом познавательной деятельности, они стремятся стать частью системы практического повседневного использования, то есть внедриться как социальная технология на уровне субъективности человека. Характерные для информационного общества междисциплинарность и мультидисциплинарность в обществе знаний сменяются

на трансдисциплинарность, выходящую за пределы дисциплинарной организации науки вообще, поскольку ключевыми факторами, определяющими ценность и востребованность знания, являются экономические, политические, социальные, культурные, экологические, этические и психологические аспекты знания. Именно эта экономцентристская тенденция в начале XXI столетия набирает обороты и выступает в роли драйвера разработки и проведения специальных исследований, существенным образом реорганизуя сферу, задачи и цели образования, а также отвечает за внедрение инноваций во все сферы жизнедеятельности, в том числе, на уровне субъективности личности.

Именно с этой антропологической точки зрения велика роль интеллектуальных технологий, призванных обеспечить реализацию нового «заказа» со стороны экономически ориентированного мира на стратегически ориентированный инновационный «self-management», или, по выражению А. Горце, «когнитивный капитализм». При этом очевидно, что переход на качественно более высокий уровень организации социальной системы – от общества информации к обществу знаний предопределяет и новые параметры человеческого бытия в ней. Такой переход предопределил появление новых стандартов, новых требований к человеку со стороны социальной реальности. В этом отношении современная модель ограниченной рациональности требует пересмотра отношения к знанию. Знание сегодня приобретает характеристику объекта и субъекта управления одновременно, в силу чего, посредством инноваций совершенствуются стандарты социальной жизни.

В этой связи Н. Штер выделяет три типа знания, характерные в той или иной мере для разных исторических эпох [9, с. 17–20]:

– Содержательное знание, необходимое для понимания предмета (характерно для первой научной революции, Просвещения и Нового времени)

– Знание как продукт, который можно использовать в промышленном производстве товаров (индустриальная цивилизация)

– Действенное знание, оказывающее непосредственное влияние на различные аспекты деятельности человека.

В этом смысле, как подчеркивает И.З. Гарафиев, «движение к «обществу знания» включает в себя целый спектр изменений. В развитых странах старый индустриальный сектор уступил лидирующее место растущим секторам образования и интеллектуальных услуг, информа-

ционных и биомедицинских технологий, производству новых материалов и источников энергии и т.п. В этих новых секторах прежние иерархические структуры организации и управления оказались малоэффективными. Дело идет к тому, что организации во все большей степени состоят из профессионалов, каждый из которых знает о своем деле больше, чем любой другой член организации. В результате нарастания наукоемкости и сложности труда возможности его иерархически-административного контроля становятся все более ограниченными и заменяются горизонтальными структурами и самоорганизацией.

Параллельно с распадом внутренних социальных структур индустриального мира стали терять почву и порожденные им большие социальные структуры: классы и профсоюзы, партии и система «социально-государства». Утрата доверия к ним, их реальная эрозия ведут к ситуации, которую обозначают как «хрупкость социального», «запустение агоры» или даже «смерть социального» и «постсоциальное состояние» [2, с. 56]. Целью образовательных и социальных процессов теперь выступает не столько накопление субъектами образования информации, данных и сведений о действительности, а формирование в сознании ее образа, сколько создание необходимых и достаточных условий для формирования самоопределения и способности самоорганизации, позволяющей личности уверенно действовать в потоках информации. При этом наиболее жесткие требования предъявляются обществом к построению стратегий и формированию компетенций стратегического анализа и проектирования, которые предполагают развитие у человека способности распознавания позитивных перспектив, умения создавать качественное время (имагнитивный капитал).

Таким образом, движение от информационного общества к обществу знаний предполагает следующие трансформации в сфере социальных и образовательных практик:

1. Увеличение скорости обновления информации и социальном запросе на постоянное появление новых практикоориентированных знаний, что выражается в образовательном императиве «непрерывного образования».

2. Усиливающиеся значение и крепнущие связи «горизонтального» управления, межсекторной экономики и международно-го, поистине, глобального, взаимодействия.

3. Увеличение роли общественных и гуманитарных наук, а также возникающие

связи между гуманитарными и социальными технологиями с одной стороны, и техническими и компьютерными науками, с другой.

4. Высокая профессиональная гибкость и мобильность, а также усиление конкуренции на рынке труда, где на первый план выходят такие компетенции как мобильность в обработке новых знаний, профессиональная гибкость и чуткость, постоянное самообразование.

5. Непрерывное развитие науки приводит к необходимости постоянного обновления компонентов человеческого капитала и компетенций личности, что значительно удлиняет сроки получения профессионального образования, фактически приводя к рождению и активного претворению в практику концепции непрерывного образования.

Наблюдаемые процессы перехода к обществу, основанному на знаниях, трансформируют ключевой социальный институт – образование: основной вектор развития образовательных практик смещается в область рынка и экономики – от «сферы услуг» к сегменту бизнеса. Образование производит свой собственный продукт – знания, умения, навыки, компетенции, которые должны потребляться, иначе происходит девальвация содержимого образования, именно на этом изменении социальных отношений делают акцент авторы теории «человеческого капитала» [7; 8].

Именно в этом контексте достаточно активно заявляют о себе черты новых типов социальных отношений, подмеченные М. Кастельсом в его теории «сетового общества»: «структуры еще не стали доминирующими «подобно тому, как индустриальные общества в течение долгого времени включали многочисленные прединдустриальные формы человеческого существования. Но все общества информационной эпохи действительно пронизаны – с различной интенсивностью – пов-

семестной логикой сетевого общества, чья динамичная экспансия постепенно поглощает и подчиняет предсуществовавшие социальные формы» [4, с. 172]. Принципиальным моментом в различении знания и информации для Кастельса выступает как раз «неявность» знания, имеющаяся подчас невозможность его институционализировать, что и позволяет исследователю говорить о «социальных сетях передачи знания», которые моделируют новые типы социальности, ставя человека перед лицом новых вызовов, которые были описаны, в частности, Э. Гидденсом, назвавшим их «рукотворные риски» [3, с. 63] – опасность тотального контроля со стороны информационных систем, big data, искусственный и машинный интеллект. Социальные сети, технологии психологической экспертизы в которых таковы, что позволяют получить полный психологический портрет личности, проанализировав лишь несколько десятков «лайков» пользователя. К особенностям знаниевой парадигмы безусловно относится увеличение числа и многозначности знаков и символов, интерпретация и манипулирование которыми находится в прямой зависимости от когнитивных карт и семантических схем тех, кто осуществляет интерпретацию. Сегодня скорее информационный поток формирует человека и его ценностный мир, нежели наоборот. В этом отношении общество знаний действительно может рассматриваться как новая парадигма общественного развития, создающая новые типы социальных отношений, связанные как с резким возрастанием роли научного знания и проникновения его во все сферы жизни человека, так и с усиливающимися рисками в системе отношений «человек–техносфера–знания», где именно человек оказывается «перегружен» знаками и символами, превращаясь в наиболее слабое звено данной цепи взаимодействий, что вызывает целый ряд опасений.

Список литературы:

- [1] Бехманн Г. Концепции информационного общества и социальная роль информации // Политическая наука. – 2008, № 2. – С. 10–28.
- [2] Гарафиев И.З. Экспертное производство и распространение знаний в теориях «общества знаний» и «общества риска» // Управление устойчивым развитием. – 2016, № 1 (02). – С. 54–58.
- [3] Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.
- [4] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 458 с.
- [5] Мейер В.А., Громова Е.А. Пайдейя и алетейя: очерки философии образования. – Волгоград: Волж. науч. изд-во, 2007. – 456 с.
- [6] Султанов К.В., Воскресенский А.А. Философские основания экономической рациональности: инструментальность и альтернативные подходы // Философия права. – 2013, № 5 (60). – С. 17–21.
- [7] Султанов К.В., Воскресенский А.А. Философские основания экономической рациональности в контексте знаниевой парадигмы развития общества // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 2. – С. 30–33.
- [8] Финансирование исследований и разработок в России: состояние, проблемы, перспективы / Под ред. Л.Э. Миндели, С.И. Черных и др. – М.: Институт проблем развития науки РАН, 2013. – 299 с.
- [9] Штерн Н. Мир из знания // Социологический журнал. – 2002, № 2. – С. 15–35.